

УДК 811.112.09

doi 10.17072/2073-6681-2019-2-79-85

ЭКЗИСТЕНЦИАЛИСТСКИЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ ЭРНСТА ЮНГЕРА «В СТАЛЬНЫХ ГРОЗАХ»

Олег Русланович Губецков

аспирант кафедры истории зарубежной литературы

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1. oleg_gubeckov@mail.ru

SPIN-код: 6471-7985

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4304-9045>

ResearcherID: A-4523-2019

Статья поступила в редакцию 09.01.2019

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Губецков О. Р. Экзистенциалистские мотивы в романе Эрнста Юнгера «В стальных грозах» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 2. С. 79–85. doi 10.17072/2073-6681-2019-2-79-85

Please cite this article in English as:

Gubetskov O. R. Ekzistentsialistskie motivy v romane Ernsta Yungera «V stalnykh grozakh» [Existentialist Motives in Ernst Jünger's 'Storm of Steel']. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2019, vol. 11, issue 2, pp. 79–85. doi 10.17072/2073-6681-2019-2-79-85 (In Russ.)

Роман «В стальных грозах» Эрнста Юнгера – особый случай использования протоэкзистенциалистских идей в целях творческого осмысления феномена войны, позволяющего наглядно представить ключевые для философии экзистенциализма понятия, такие как «страх» Сёрена Кьеркегора (Angest); «заброшенность» (Geworfenheit), «ужас» (Entsetzen) и «Ничто» (Nichts) Мартина Хайдеггера; «пограничная ситуация» (Grenzsituation), «просветление экзистенции» (Existenzerhellung) Карла Ясперса. Уникальность книги Юнгера заключается в том, что писатель транслирует свой опыт без опоры на философский аппарат экзистенциализма, которого на момент создания «В стальных грозах» еще не существовало, тем самым предвосхищая важнейшие открытия философии XX в., демонстрируя близость германской традиции экзистенциализма. Художественный метод Юнгера позволяет «высветить» сущность экзистенциалистского мышления: бытие открывает себя человеку в акте экзистирования в качестве начала, доступного не рациональному пониманию и логическому анализу, но непосредственно переживанию, в особенности перед лицом смерти, когда мир предстает чем-то необъяснимым и оттого зловещим. Подобные ощущения повествователь Юнгера испытывает, отправляясь в разведку, находясь в эпицентре сражений и наблюдая природу в редкий час затишья между боями. Особое внимание Юнгер уделяет не только внутреннему состоянию человека на войне, но и окружающей его обстановке: наряду с природой это предметы буржуазного быта, испорченные, вырванные из привычной сферы употребления, хаотически соединившиеся с боевым снаряжением и атрибутами войны в стремлении к новому порядку, что дополнительно подчеркивает крах привычных бытийных устоев в ситуации переосмысления человеком XX в. своего положения в мире.

Ключевые слова: Э. Юнгер; «В стальных грозах»; экзистенциализм; Хайдеггер; Ясперс; Кьеркегор; Сартр; пограничные ситуации; Первая мировая война.

Жанровое и стилистическое своеобразие раннего творчества Эрнста Юнгера (1895–1998) подразумевает множество подходов к интерпретации этой части наследия писателя. В своем де-

бютном произведении, книге дневниковых записей «В стальных грозах» (In Stahlgewittern, 1920), сделанных во время Первой мировой войны, писатель не ограничивается рамками мемуарной

литературы: так, в произведении находят отражение отголоски приключенческого жанра, а также романа воспитания [Loose 1957: 32–33]. Главным же аргументом в пользу художественности «Стальных гроз» служит тщательная литературная обработка аутентичных дневниковых записей, предпринятая Юнгером после войны¹, что позволяет с большой долей вероятности связать произведение с жанром «романа-дневника».

Помимо идеолого-политического аспекта критики, традиционно имеющего сильное акцентирование в юнгероведении², если не доминирующего в нем, существует ряд исследований, выдвигающих на первый план художественные особенности юнгеровской прозы. К примеру, ярко выраженная склонность автора к сухой описательности дает исследователям возможность интерпретировать «В стальных грозах» как образец заявившего о себе в 1920-е гг. стиля «новой вещественности» (*neue Sachlichkeit*). Историки литературы отмечают в произведениях Юнгера также влияние школы натурализма (изображение сцен насилия), равно как и тенденцию к романтизации и поэтизации происходящего [Потехина 2013: 45–46]. Наконец, одной из наиболее дискуссионных считается попытка рассмотрения прозы Юнгера в контексте традиции французского символизма. Стремление усмотреть в раннем творчестве писателя пример «эстетизации безобразного» (*Ästhetik des Schreckens*)³, нашедшее как сторонников, так и противников⁴, стимулирует активное развитие юнгероведения начиная с 80-х гг. XX в.

Прочтение романа «В стальных грозах» в контексте философии экзистенциализма определяет задачу осмыслить книгу Юнгера в первую очередь с позиций особого художественного пространства, подчиняющегося сугубо эстетическим законам, требованиям формы и стиля, однако оказывающегося впоследствии открытым прежде всего экзистенциалистскому философскому истолкованию. При том что Юнгера, как правило, не относят к числу ключевых фигур, повлиявших на становление экзистенциализма в философии и литературе, писатель обнаруживает немалую проницательность, угадывая в своих размышлениях «дух» наступающей эпохи, делая это тогда, когда экзистенциалистское мышление пребывает еще в стадии становления. В российском литературоведении, до сих пор сосредоточенном в первую очередь на социально-идеологических аспектах творчества Юнгера⁵, интерпретация произведений Юнгера с точки зрения философии экзистенциализма пока что не привлекла должного внимания, в отличие от Герма-

нии, где первые попытки подобного прочтения были осуществлены еще в середине XX в.⁶

«В стальных грозах» обращает на себя внимание нестандартной для литературы данного жанра авторской оптикой [Ernst Jünger-Handbuch 2014: 42, 49–50], при которой война предстает в качестве катализатора экзистенциального переживания. Уже при виде первого раненого рассказчик борется с «ощущением нереальности», при этом персонифицируя смерть и тем самым удаляясь от привычного ее обывательского восприятия. С первых страниц читатель узнает о том, что понимание войны для Юнгера не ограничивается изображением сражений и окопных будней, шокирующих сцен насилия, проявлений героизма в романтическом духе: «Что же это было? Война выпустила когти и сбросила маску уюта. Это было так загадочно, так безлично... И не то чтобы думалось о враге – таинственном, коварном существе где-то там. Это совершенно новое для нашего опыта событие произвело такое впечатление, что требовались усилия для его связного осмысления. Как будто что-то привиделось среди ясного дня» [Юнгер 2000: 37].

Исходным поводом к философствованию для экзистенциалистов является ситуация «заброшенности» (*Geworfenheit*) человека в мир и попытки обретения свободы в нем: «Достоевский как-то писал, что “если бога нет, то все дозволено”... Это – исходный пункт экзистенциализма, – размышляет позднее Жан-Поль Сартр. – Человек заброшен, ему не на что опереться ни в себе, ни вовне... Иначе говоря, нет детерминизма, человек свободен, человек – это свобода» [Сартр 2006]. Герой Юнгера, вчерашний гимназист, как и все его поколение, «выросший в век надежности» и еще вчера грезивший о войне, начинает осознавать свое положение на этой войне так же: в деструктивном и полном ужаса пространстве рассказчик стремится сохранить внутреннюю независимость от происходящего.

Поверхностным, «внешним» (*äußeres Erlebnis*), по Юнгеру, остается опыт того, кто отрицает войну, видя в ней только «личные страдания» человека (*das eigene Leiden*), – подобное переживание войны Юнгер называет «рабским» [Jünger 1960–1965, V: 108]. Природу такого отчаяния, хоть и не в контексте войны, сходным образом характеризует Карл Ясперс: «Если перед лицом смерти я ничего уже не могу признавать важным, но просто нигилистически впадаю в отчаяние, – это подобно потерпевшей крушение экзистенции; смерть не есть больше пограничная ситуация, если она есть для меня объективное уни-

чтожение, как превосходящее силой несчастье» [Ясперс 2012, 2: 117].

Напротив, по Юнгеру, война «сбрасывает маску» перед тем, кто готов к обретению «внутреннего опыта» (*inneres Erlebnis*) в происходящем. По ходу развития повествования «В стальных грозах» Юнгер уводит читателя все дальше от привычных представлений о природе войны, тем самым сближая ее с «пограничными ситуациями» (*Grenzsituation*) Ясперса, который связывает это понятие с интенсивным осознанием человеком своей смертной природы. Таков, к примеру, эпизод разведывательной операции у Юнгера, когда «зрение и слух обострены до предела... Охватывает дрожь под воздействием двух мощных чувств: растущего азарта охотника и страха его жертвы. Весь мир заполнен тобой, опустошенным темным ощущением ужаса, нависшего над пустынной местностью» [Юнгер 2000: 104].

Представление о страхе, начиная с работ Сёрена Кьеркегора, становится основополагающим для экзистенциалистского образа мышления [Cambridge Companion to Existentialism 2012: 41]. Предтеча философии экзистенциализма, Кьеркегор различает понятия боязни как реакции сознания на конкретные явления, с одной стороны, и страха (*Angest*) как состояния «ужасного Ничто неведения» – с другой. Данным противопоставлением, согласно датскому мыслителю, обусловлено кардинальное различие человеческой и животной природы [Кьеркегор 2014: 60–62]. Мотив рокового предчувствия, ожидания неведомого конца развивает и Юнгер в работе «Борьба как внутреннее переживание» (*Der Kampf als inneres Erlebnis*, 1922), выбирая, однако, в качестве его олицетворения понятие «ужас» (*Grauen*), ср.: «Животное может испытывать испуг (*Schreck*), когда внезапно его настигает опасность; может испытывать страх (*Angst*), когда его преследуют и загоняют в угол, но ужас (*Grauen*) ему неведом. Он первый проблеск разума» [Jünger 1960–1965, V: 21]. Позднее, во второй части «Рискующего сердца» (*Das abenteuerliche Herz. Figuren und Capriccios*, 1938), Юнгер по-прежнему усматривает мотив тревожного предчувствия, недоступного животному сознанию, в связи с понятием «ужаса» (*Grauen*). Однако в попытке выработать своеобразную типологию видов боязни он называет высшей точкой напряжения человеческого сознания «ужас» иного рода – «*Entsetzen*» [*ibid.*, VII: 30]. Юнгер видит в таком «ужасе» конечное воплощение страха, за которым не следует ничего, подобно тому как Ясперс пишет о пограничных ситуациях, что «они, в отношении к нашему существованию, окончательны... мы не видим за

ними более ничего иного. Они – как стена, на которую мы наталкиваемся, у которой мы терпим крах» [Ясперс 2012, 2: 205]. Характерно, что Мартин Хайдеггер выражает данный опыт с помощью конечной категории «Ничто» (*Nichts*), причем инструментом к его постижению на разных этапах творчества философа служат как «страх» (вслед за Кьеркегором), так и «ужас» (*Entsetzen*): «Ужасом (*Angst*)⁷ приоткрывается Ничто. В ужасе “земля уходит из-под ног”. Точнее: ужас уводит у нас землю из-под ног, потому что заставляет ускользать сущее в целом. Отсюда и мы сами – вот эти существующие люди – с общим провалом сущего тоже ускользаем сами от себя... Только наше чистое присутствие в потрясении этого провала, когда ему уже не на что опереться, все еще тут» [Хайдеггер 2013: 33]. Ср.: «Удивление и ужас (*Entsetzen*) – крайние и вместе с тем первоначальные настроения к неизмеримости и основанию правды бытия» [Heidegger 1997: 236]⁸. Юнгер как художник идет собственным путем в описании состояния небытия, присутствия «Ничто», при этом его изображение выглядит более наглядным, нежели у философа. Подобно начинавшему с экспрессионизма Готфриду Бенну, словно бы «руками», материально пытающемуся ощутить границу мира плотского и мира невидимого⁹, Юнгер зрительно фиксирует картину разрушения – так, словно в ней возможно различить нечто помимо материи – живой или мертвой: «С особой силой в моей памяти запечатлелась картина растерзанной, дымящейся позиции, которой я проходил сразу после атаки. Дневные посты уже были на местах, но траншеи еще не были приведены в порядок. На постах еще лежат павшие и тут же, будто выросшая из этих тел, у орудий стоит новая смена. Странный шок (*Erstarrung*) вызывал вид этих групп. На мгновение будто исчезала разница между жизнью и смертью» [Юнгер 2000: 118].

Ожидать буквального терминологического совпадения словоупотребления Юнгера с понятиями философии экзистенциализма не приходится, но важно, что представления писателя естественно вписываются в круг ее идей. Страх героя не отталкивает, но, напротив, «завораживает, как неисследованная земля» [там же: 126], поскольку несет в себе возможность откровения. В «Стальных грозах» Юнгер также различает «боязнь» (*Furcht*) и «ужас» (*Grauen*), являющий собой, в кьеркегоровском смысле, «действительность свободы как возможность для возможности» [Кьеркегор 2014: 60–62]. Состояние, в котором пребывает юнгеровский повествователь в непосредственном контакте со смертью, помо-

гают передать мотивы высоты и света – подобные «просветлению экзистенции» Ясперса¹⁰. Так, близость смерти спасительна и подобна «неизвестному свету», всякий вопрос рядом с ней становится маловажен [Jünger 1960–1965, I: 316]; проходя по полю битвы мимо разлагающихся трупов, герой достигает состояния «восторженной прозорливости», ощущает «возвышающую и почти демоническую легкость» [Юнгер 2000: 126]; во время атаки каждый солдат оказывается «перенесен в какие-то сверхчеловеческие ландшафты», а смерть «потеряла свое значение... это делало всех слепыми и безразличными к собственной судьбе» [там же: 272].

При том что акт экзистирования сугубо индивидуален, Юнгер не противоречит основной идее экзистенциализма, словно иллюстрируя примером подобного «безличного» поведения солдат убежденность Ясперса в том, что пограничные ситуации «не допускают стороннего обозрения» (*nicht überschaubar*), не объяснимы, не выводимы логически, но «даны вместе с самим существованием» (*Sie sind mit dem Dasein selbst*) и лишь тем самым могут быть «приводимы к ясности» [Ясперс 2012, 2: 205]. Парадоксальным образом «ясности» достигает и сам рассказчик, впадающий в забытие, будучи тяжело раненным: «...Это мгновение относится к немногим, о которых я могу сказать, что оно было истинно счастливым. Точно в каком-то озарении я внезапно понял всю свою жизнь до самой глубинной сути (*In ihm begriff ich, wie durch einen Blitz erleuchtet, mein Leben in seiner innersten Gestalt*). Я ощутил безмерное удивление, что вот сейчас все кончится, но удивление это было исполнено странной веселости» [Jünger 1960–1965, I: 317].

Впрочем, повествователь познает существо смерти не только тогда, когда она ему непосредственно угрожает, но и когда он находится в относительной безопасности [*ibid.*: 33, 157, 287–188]. Изображение большого количества ситуаций, сопряженных со смертельным риском, важно для Юнгера, так как они контрастируют с привычным существованием обывателя в мирное время, когда человек самоуспокоенно пользуется плодами развитой цивилизации. Размышляя о духовной ситуации рубежа XIX–XX вв. в социально-политическом аспекте, Юнгер приходил к выводу о пагубном воздействии цивилизации, подавляющей в человеке его глубинные возможности, реализуемые только в естественном переживании – в данном случае в пограничной ситуации битвы и войны в целом [*ibid.*, V: 13–14]. В данном контексте уместно вспомнить, что Хайдеггер говорит о «нивелировании возможно-

сти экзистенции» (*Einebnung aller Seinsmöglichkeiten*) внешними факторами в современную эпоху, поскольку «бытие с другими озабочено усредненностью»; человек, все более замыкаясь в сущем, оставляет без ответа вопрос о самом бытии [Heidegger 1977: 1, 168–169]. В обратной ситуации – экзистирования – мир становится жутким в своей необъяснимости, привычная действительность рушится, вещи меняют свой облик [Cambridge Companion to Existentialism 2012: 42]. По Юнгеру, для возвращения мироздания к первоосновам необходимо разрушить его до основания – это и происходит в книге «В стальных грозах». Предметы бюргерского быта предстают в новом обличье, оказываясь рядом с оружием: «Пустынность и безмолвие, время от времени прерываемые глухими звуками орудий, еще более усиливались печальной картиной разрушения. Разодранные ранцы, ружья с отбитыми прикладами, ошметки разной утвари – и, ужасающим контрастом, детская игрушка; тут же взрыватель, глубокие воронки от издохших снарядов, бутылки, жнейки, порванные книжки, разбитая посуда, ямы – зловещая темнота которых выдавала погреб, где, может быть, лежали скелеты несчастных обитателей дома, обглоданные усердными в своей прожорливости крысиными ордами, – персиковое деревцо, лишенное опоры и беспомощно простирившее руки, в конюшнях – еще привязанные цепями скелеты домашних животных, в опустелом саду – ямины и зеленеющие меж ними, затерянные в сорняках перья лука, полынь, ремень и нарциссы, на соседних полях – хлеб, сложенный в скирды с налившимися зерном колосьями, – все это было рассечено наполовину засыпанной траншеей и овечно запахом пожарища и распада» [Юнгер 2000: 70]. Большое творение человеческих рук неожиданно уподобляется ничтожно малому: гийемонтский вокзал предстает «скомканный, как детская игрушка» [там же: 132].

Таким образом, Юнгер в романе-дневнике «В стальных грозах» представляет события Первой мировой войны сквозь призму экзистенциального переживания и этим косвенно примыкает к германской традиции экзистенциализма (Ясперс, Хайдеггер). Для автора характерен поиск выхода за пределы повседневного буржуазного опыта, отчасти сравнимый с хайдеггеровской установкой на движение из укорененности в сущем (*das Seiende*) к вопросу о бытии (*Dasein*), однако Юнгер по сравнению с Хайдеггером и Ясперсом находит для возможности «просветления экзистенции» наиболее радикальные бытийственные проявления. Изоб-

ражение человеческого опыта писателем предстает еще более бескомпромиссным, чем у названных философов, но вместе с тем и суженным с точки зрения потенциала для философствования – понимание подлинного бытия сопряжено с изображением смертельного риска в ходе военных действий.

Примечания

¹ Об этом см.: [Jünger 2013].

² Подробнее об этом см.: [Schwarz 1962; Liebchen 1977; Mörchen 1973; Kaempfer 1981; Crocokow 1990].

³ Об этом см.: [Bohrer 1978].

⁴ См.: [Brennecke 1992: 17–59], [Keller 2011: 144–164]

⁵ Об этом см.: [Зачевский 2014: 484–510; Потехина 2013; Михайловский 2001].

⁶ Об этом см.: [Martus 2001: 4].

⁷ В переводе В. В. Библихина на русский язык «Что такое метафизика?» (Was ist Metaphysik?, 1929) слово „Angst“ фигурирует как «ужас» [Heidegger 1976: 112].

⁸ Перевод мой. – О. Г.

⁹ См.: [Benn 1997: 32–51].

¹⁰ Об этом см.: [Ясперс 2012, 2].

Список литературы

Зачевский Е. А. Очерки истории немецкой литературы времен Третьего рейха (1933–1945). СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2013. 525 с.

Кьеркегор С. Понятие страха / пер. с дат. Н. Исаевой, С. Исаева. М.: Академ. проект, 2014. 224 с.

Михайловский А. В. Вопрос о технике. Критика эпохи у Эрнста Юнгера и Мартина Хайдеггера. М.: РГГУ, 2001. 168 с.

Потехина И. Г. «В стальных грозах» Эрнста Юнгера: Первая мировая война и проблема консервативного модерна в немецкой литературе // Литература и война: век двадцатый: сб. ст. к 90-летию Л. Г. Андреева / под ред. О. Ю. Пановой, В. М. Толмачёва. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 43–51.

Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / пер. М. Грецкий. М.: Скепсис, 2006. URL: https://sceptis.net/library/id_545.html#a5 (дата обращения: 24.12.2018).

Хайдеггер М. Что такое метафизика? / пер. с нем. В. Библихина. М.: Академ. проект, 2013. 288 с.

Юнгер Э. В стальных грозах / пер. с нем. Н. Гучинской, В. Ноткиной. СПб.: Владимир Даль, 2000. 330 с.

Ясперс К. Философия: в 3 т. / пер. с нем. А. Судакова. М.: Канон+, 2012. Т. 2. 448 с.

Benn G. Gesammelte Gedichte. Готфрид Бенн. Собрание стихотворений / под ред. В. Топорова. СПб.: Евразия, 1997. 512 с.

Bohrer K.H. Die Ästhetik des Schreckens. Die pessimistische Romantik und Ernst Jüngers Frühwerk. München, Wien: Carl Hanser Verlag, 1978. 634 S.

Brennecke R. Militanter Modernismus. Vergleichende Studien zum Frühwerk Ernst Jüngers. Stuttgart: M & P, 1992. 352 S.

Cambridge Companion to Existentialism / ed. S. Crowell. Cambridge, 2012. 415 p.

Heidegger M. Besinnung // Gesamtausgabe. B. 66. F. a. M.: Vittorio Klostermann, 1997. 437 S.

Heidegger M. Sein und Zeit // Gesamtausgabe. B. 2. F. a. M.: Vittorio Klostermann, 1977. 587 S.

Jünger E. Das abenteuerliche Herz. Figuren und Capriccios // Werke. B. 7. Stuttgart: Ernst Klett, 1960–1965. 503 S.

Jünger E. Der Kampf als inneres Erlebnis // Werke. B. 5. Stuttgart: Ernst Klett, 1960–1965. 543 S.

Jünger E. In Stahlgewittern // Werke – in 10 B. Stuttgart: Ernst Klett, 1960–1965. B. 1. 563 S.

Jünger E. In Stahlgewittern. Historisch-kritische Ausgabe. Hrsg. von H. Kiesel. B. 2. Variantenverzeichnis und Materialien. Stuttgart, Klett-Cotta, 2013. 1245 S.

Jünger-Handbuch. Leben – Werk – Wirkung / Hrsg. H. Schwilk. Stuttgart / Weimar: Metzler, 2014. 439 S.

Kaempfer W. Ernst Jünger. Stuttgart: Metzler, 1981. 188 S.

Keller E. Spuren und Schneisen. Ernst Jünger: Lesarten im 20. Jahrhundert. Bielefeld: Aesthesis, 2011. 628 S.

Liebchen G. Ernst Jünger: Seine literarischen Arbeiten in den 20 Jahren. Eine Untersuchung zur gesellschaftlichen Funktion von Literatur. Bonn: Bouvier (Grundmann), 1977. 354 S.

Loose G. Ernst Jünger. Gestalt und Werk. F. a. M.: Vittorio Klostermann, 1957. 380 S.

Martus S. Ernst Jünger. Stuttgart / Weimar: Metzler, 2001. 269 S.

Mörchen H. Schriftsteller in der Massengesellschaft. Zur politischen Essayistik und Publizistik Heinrich und Thomas Manns, Kurt Tucholskys und Ernst Jüngers während der zwanziger Jahre. Stuttgart: Metzler, 1973. S. 76–96.

References

Zachevskiy E. A. *Ocherki istorii nemetskoj literatury vremen Tret'ego reikha (1933-1945)* [Essays on history of German literature of Nazi Germany]. St. Petersburg, Saint Petersburg State Technical University Press, 2013. 525 p. (In Russ.)

Kierkegaard S. *Ponyatie strakha* [The Concept of anxiety]. Transl. from Danish by N. Isaeva, S. Isaev. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2014. 224 p. (In Russ.)

Mikhaylovskiy A. V. *Vopros o tekhnike. Kritika epokhi u Ernsta Yungera i Martina Khaydeggera* [The matter of technique. Criticism of epoch by Ernst Jünger and Martin Heidegger]. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 2001. 168 p. (In Russ.)

Potekhina I. G. «V stal'nykh grozakh» Ernsta Yungera: Pervaya mirovaya voyna i problema konservativnogo moderna v nemetskoj literature [Ernst Jünger's 'Storm of Steel': World War I and the problem of conservative modernism in German Literature]. *Literatura i voyna: vek dvadtsatyy*. Sbornik statey k 90-letiyu L. G. Andreeva [Literature and war: Twentieth century. Collection of Articles on the 90th Anniversary of L. G. Andreev]. Ed. by O. Yu. Panova, V. M. Tolmachev. Moscow, MAKS Press, 2013, pp. 43–51. (In Russ.)

Sartre J.-P. *Ekzistentzializm – eto gumanizm* [Existentialism is a Humanism]. Transl. by M. Gretskiy. Moscow, Skepsis Publ, March 13, 2006. Available at: https://skepsis.net/library/id_545.html#5 (accessed 24.12.2018). (In Russ.)

Heidegger M. *Chto takoe metafizika?* [What is metaphysics?]. Transl. from German by V. Bibikhin. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2013. 288 p. (In Russ.)

Jünger E. *V stal'nykh grozakh* [Storm of Steel]. Transl. from German by N. Guchinskaya, V. Notkina. St. Petersburg, Vladimir Dal Publ., 2000. 330 p. (In Russ.)

Yaspers K. *Filosofiya* [Philosophy]. Transl. from German by A. Sudakov. Moscow, Kanon + Publ., 2012. 448 p. (In Russ.)

Benn G. *Sobranie stikhotvorenij (Gesammelte Gedichte)* [Collection of poems]. Ed. by V. Toporov. St. Petersburg, Evrasia Publ., 1997. 512 p. (In Russ. and in Germ.)

Bohrer K. H. *Die Ästhetik des Schreckens. Die pessimistische Romantik und Ernst Jüngers Frühwerk*. München, Wien, Carl Hanser Verlag, 1978. 634 p. (In Germ.)

Brennecke R. *Militanter Modernismus. Vergleichende Studien zum Frühwerk Ernst Jüngers*. Stuttgart, M&P, 1992. 352 p. (In Germ.)

Cambridge Companion to existentialism. Ed. by S. Crowell. Cambridge UP, 2012. 415 p. (In Eng.)

Ernst Jünger-Handbuch. Leben – Werk – Wirkung. Hrsg. H. Schwilk. Stuttgart / Weimar, Metzler, 2014. 439 p. (In Germ.)

Heidegger M. *Besinnung. Gesamtausgabe*. B. 66. Frankfurt am Main, Vittorio Klostermann, 1997. 437 p. (In Germ.)

Heidegger M. *Sein und Zeit. Gesamtausgabe*. B. 2. Frankfurt am Main, Vittorio Klostermann, 1977. 587 p. (In Germ.)

Jünger E. *Das abenteuerliche Herz. Figuren und Capriccios. Werke*. B. 7. Stuttgart, Ernst Klett, 1960–1965. 503 p. (In Germ.)

Jünger E. *Der Kampf als inneres Erlebni. Werke*. B. 5. Stuttgart, Ernst Klett, 1960–1965. 543 p. (In Germ.)

Jünger E. *In Stahlgewitter. Werke in 10 B.* B. 1. Stuttgart, Ernst Klett, 1960–1965. 563 p. (In Germ.)

Jünger E. *In Stahlgewittern. Historisch-kritische Ausgabe*. Publ. by H. Kiesel. Vol. 2. Variantenverzeichnis und Materialien. Stuttgart, Klett-Cotta, 2013. 1245 p. (In Germ.)

Kaempfer W. *Ernst Jünger*. Stuttgart, Metzler, 1981. 188 p. (In Germ.)

Keller E. *Spuren und Schneisen. Ernst Jünger: Lesarten im 20. Jahrhundert*. Bielefeld, Aesthesis, 2011. 628 p. (In Germ.)

Liebchen G. *Ernst Jünger: Seine literarischen Arbeiten in den 20 Jahren. Eine Untersuchung zur gesellschaftlichen Funktion von Literatur*. Bonn, Bouvier (Grundmann), 1977. 354 p. (In Germ.)

Loose G. *Ernst Jünger. Gestalt und Werk*. Frankfurt am Main, Vittorio Klostermann, 1957. 380 p. (In Germ.)

Martus S. *Ernst Jünger*. Stuttgart / Weimar, Metzler, 2001. 269 p. (In Germ.)

Mörchen H. *Schriftsteller in der Massengesellschaft. Zur politischen Essayistik und Publizistik Heinrich und Thomas Manns, Kurt Tucholskys und Ernst Jüngers während der zwanziger Jahre*. Stuttgart, Metzler, 1973, pp. 76–96 (In Germ.)

EXISTENTIALIST MOTIVES IN ERNST JÜNGER'S 'STORM OF STEEL'

Oleg R. Gubetskov

Postgraduate Student in the Department of the History of Foreign Literature

Lomonosov Moscow State University

1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation. oleg_gubeckov@mail.ru

SPIN-code: 6471-7985

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4304-9045>

ResearcherID: A-4523-2019

Submitted 09.01.2019

The interpretation of Ernst Jünger's novel *Storm of Steel* offered here is aimed at an existentialist reading of the book, viewing it, first and foremost, as a special artistic space meeting the stylistic demands of Jünger as a writer. Thus, the formal characteristics of the novel prevail over its shocking content. Such a way of reading this Jünger's work is not popular among Russian scholars studying the writer, for they mostly orient at exploring the ideological and sociological aspects of the book. It seems that *Storm of Steel* constitutes a special case of using proto-existentialist ideas when describing the phenomenon of war and at the same time presenting some basic existentialist notions, such as 'anxiety' (Angst) of Søren Kierkegaard; 'thrownness' (Geworfenheit), 'fright' (Entsetzen) and 'nothing' (Nichts) of Martin Heidegger; 'limit situation' (Grenzsituation) and 'existence enlightenment' (Existenzerhellung) of Karl Jaspers. Jünger's book can be called unique for it renders a kind of existentialist experience not basing on the matching philosophical apparatus (non-existent at the time of writing *Storm of Steel*). Thus, Jünger anticipates the main philosophical discoveries of the 20th century and joins the German version of existentialism. Jünger's writing method reveals the core point of existentialist thinking, when Being opens itself to a human as an existentialist experience, not in an act of rational realizing its meaning, but in view of death, when the world appears both uncanny and dangerous. Jünger's narrator experiences this when fighting, on the scout, getting close to nature when a battle stops. Jünger pays attention not only to what man feels, but to the environment, both natural and artificial, consisting of the ruined items of everyday bourgeois life, mixed chaotically with arms. Thus, the writer stresses the need to seek for the new foundations of defining the role of a human in the 20th century reality.

Key words: E. Jünger; Storm of Steel; existentialism; Heidegger; Jaspers; Kierkegaard; Sartre; limit situations; World War I.